

The background of the book cover is a photograph of a sunset or sunrise over the ocean. The sun is a bright yellow circle positioned just above the horizon line. The sky is filled with soft, orange and pinkish clouds. The ocean in the foreground shows gentle waves with white foam. The entire cover is framed by a thin orange border.

Юлия Добровольская

СЕРДОЛИКОВАЯ БУХТА

Повесть

12+

Юлия Добровольская Сердоликовая бухта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34999002

SelfPub; 2018

Аннотация

Любой мой рассказ, любой роман, повесть могут начаться с любой фразы, с любого самого незначительного события или даже его отсутствия. Но закончиться не могут ничем и никогда – даже если я и пишу слово «конец». Ведь конец одной истории – это начало другой. Вот и получается иногда, что в каком-то романе вдруг появляются действующие лица из других историй. Возможно, это происходит потому, что мои герои близки друг другу, они из одного мира, они одинаково смотрят на жизнь. И, конечно, они близки мне – я не умею писать о том, чего не знаю, чего не прочувствовала или не понимаю.

СЕРДОЛИКОВАЯ БУХТА

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Анна»

День молодёжи

Она шла к автобусной остановке. Как всегда – одна.

Наличие отдельного кабинета... хотя, возможно, это слишком громкое название для её крохотной комнатухи – те не менее, наличие отдельной комнатухи избавляло от всяческих неписанных законов, бытующих в любом коллективе. Как, например, занятие очереди в столовой или мест в зале заседаний, бегание в буфет *за-чем-нибудь-к-чаю* по всё той же, неписаной, очерёдности, или кучкование в вестибюле в конце рабочего дня. Да и вообще, изолированное рабочее место, обусловленное объективной необходимостью – творческим характером её работы – давало массу привилегий.

Она шла не спеша. Она никогда никуда не спешила. Ни на работу, ни с работы. Даже на показавшийся из-за поворота автобус – даже в дождь, даже в мороз. Правда, некоторые водители порой медлили закрывать двери, дожидаясь её. Тогда она немного – совсем немного – прибавляла шаг и никогда не забывала послать джентльмену за рулём благодарную

улыбку за оказанную любезность.

Была пятница. В настроении ощущалась приподнятость с лёгким оттенком грусти. Первое – оттого, что пятница, а второе – оттого, что первое. Это у неё с детства – если очень хорошо, то обязательно немного грустно. Сколько раз она пыталась докопаться до корней этого загадочного явления, но пока безуспешно. Появись этот симптом в нынешнем возрасте, его можно было бы объяснить очень просто: накопленный к тридцати трём годам жизненный опыт не раз убеждал в непреложности формулы "всё кончается уже тем, что начинается", а конец хорошего – всегда грустно. Но, возможно, она, эта формула, заложена в человеческие гены как некий предохранитель от эмоционального перекала?..

Сейчас она не хотела думать об этом. Она любовалась зацветающими кустами рябины и буйно раззеленевшимся газоном, вдыхала терпкий запах цветов и травы, разогретых за день невысоким, но долгим северным солнцем.

Эти приятные ощущения подобно монетке, опущенной в музыкальный автомат, вдруг завели в душе свою, почти независимую от неё, игру. Игру мыслей и чувств, определений и образов, воспоминаний и реалий...

Сколько раз – сотен?.. тысяч раз?.. – она проходила мимо этого газона! И он представлял перед ней то покрытый снегом – лёгким и пушистым, слежавшимся и тяжёлым, серым

и ноздреватым, то зелёнью – яркой первой, томной налившейся, бурой увядающей... И все эти картины сменяли одна другую вне зависимости от чего-либо иного, кроме единственного неколебимого закона, установленного и соблюдаемого главным распорядителем вселенского действа, имя которому Хронос.

Можно обмануть себя, растянув дни в месяцы или сжав недели в часы, но верные служители своего господина неумолимо разоблачали подлог. Стоило только глянуть в их сторону, как всё становилось на свои места: между двумя звонками умещались лишь раскрывшиеся желтковыми венчиками хоботки мать-и-мачехи, а это никак не больше трёх-четырёх дней; и отпуск был не таким уж коротким, если жёлто-багряная листва успела уступить свои развесистые владения – не без ропота, наверно, – тёмно-коралловым гроздьям в пушистых белых шапочках.

Учась в институте, далеко отсюда, в своём родном городе, она изо дня в день на протяжении пяти лет ходила через большой парк, расположенный в котловине. Ещё издали, свернув на улицу, ведущую к парку, она могла заметить любую перемену, произошедшую в кронах его деревьев за минувшую ночь.

И тот парк, и этот газон, бесстрастно и объективно отмеряли время чётким чередованием фаз своего бытия. И только потому, что делалось это весьма деликатно – посредством таких изысканных инструментов, как цвет и запах – ей ни-

когда не пришло в голову разозлиться на занудную пунктуальность исполнительных слуг господина Главного Церемониймейстера. Напротив: эта их, в общем-то, незавидная монотонная работа воспринималась ею как непрекращающееся чудо. И глядя на окостеневшие от мороза ветви или набухающие лоснящиеся почки, она меньше всего думала о том, что с новой переменной, которая должна вот-вот произойти в природе, безвозвратно канет в Лету, отлетит искрящимся инеем, лепестками рябины или пухом тополей ещё один кусочек её жизни.

Она не жалела о прожитом и не мечтала о будущем – она просто жила в каждом своём дне так, как если бы он был первым или последним. Или просто – единственным.

* * *

Она и автобус подошли к остановке одновременно.

Ей показалось, что настроение из приподнятого переходит в откровенно радостное. Если бы она пожелала выяснить причину этого, то ей сначала помешала бы обычная автобусная болтовня ни о чём, сводящаяся, как правило, к её лаконичным ответам на чьи-нибудь пространные вопросы; потом толчея в магазине – она заглянула поверх толпы, давали финские конфеты в ярких финских же коробках, вероятно, ко Дню Молодёжи, а может, к концу месяца – а потом просто забыла бы о том, что оно, настроение, было другим.

Она вынула почту и, скинув туфли, плюхнулась в кресло

тут же, в прихожей. Достала из пакета бутылку молока и с удовольствием выпила залпом почти половину – прямо из горлышка, за что непременно выговорила бы сыну.

В почте оказались счета за телефон – это её переговоры с мужем по поводу предстоящего отъезда сына; газета почти пустая, вот только статья об Афгане, где дослуживает племянник, надо прочитать, но это позже; "Иностранка" – тоже, кажется, на сей раз не слишком интересная: итальянскую прозу она не любит, немецкие романы тоже, стихи – потом. И всё остальное – тоже потом...

Она откинула голову и прикрыла глаза. Странное дело: работа сидячая, а дома первым делом хочется посидеть. Неужели старость?..

Щелчок замка не дал ей прийти к какому-нибудь выводу.

Она схватила недопитую бутылку, стоявшую на полу, прижала к себе и состроила виноватую мину.

Её взрослый сын в расстёгнутой джинсовой куртке с этюдником на плече моментально сориентировался в ситуации и молча заклеймил позором нарушителя порядка, установленного им же самим, нарушителем, непонятно для чего: ведь пить молоко из бутылки гораздо вкусней! Так же молча он взял из её рук остатки молока и допил залпом, удовлетворённо крякнув.

– Привет! – Сказал он.

– Привет! – Ответила она.

* * *

Она переоделась в джинсы и майку с надписью "чемпион регби" на английском языке, заплела волосы в две косы и отправилась в кухню, по пути заглянув к сыну. Тот раскладывал последние этюды.

– Хочешь свеженького? – Остановил он её вопросом.

– Ага.

И он повернул к ней лист картона с пейзажем в тёмных красно-зелёных тонах. Рассмотрев его вблизи, она увидела, что в картине присутствуют все цвета и оттенки спектра.

– Упражняешься в импрессионизме? Или задание такое?

– Не-а. Сам. Хочу пуантилизм попробовать.

– Сдашь или оставишь?

– Папе отвезу. Можно?

– Ну конечно! А высохнуть успеет?

– Я с этюдником поеду – в нём и досохнет.

– О-о-ой! – Она изобразила плач. – Ты же завтра... Я же с тоски помру.

– Ма, ну прилетай к нам, а?

– Посмотрим, Кирюша. – Она немного помолчала. – Ты же помнишь, что вышло в прошлом году из нашего совместного отдыха.

– А вдруг в этот раз получится удачно?

– Посмотрим... Пошли есть, потом ещё раз проверим, всё ли собрано, и ляжем спать... Во сколько же нам завтра под-

ниматься?

– В шесть-тридцать.

– Ужас! И это в субботу-то!..

Пужинав, они пересмотрели содержимое чемодана. Кирилл сменил несколько тюбиков в этюднике, вложил в него пейзаж.

– Мне очень понравилась твоя последняя работа. – Сказала она.

– Хочешь, я оставлю её тебе? – Он оживился и уже почти достал картон из зажимов.

– Нет-нет. – Остановила она. – Ты же решил, что это папе.

– Я ему другой подарю, он же не знает.

– Это нечестно. Тем более, потому что он не знает.

– Ты права.

Она обвела взглядом приготовленные вещи и сказала:

– Кажется, всё?.. Может, тебе конверты подписать?

– Вот ещё! Я же не в пионерский лагерь!

– Смотри, не будешь писать, не прилечу за тобой!

Она подошла к Кириллу, прижала его голову к груди – вот-вот её сын сравняется с ней ростом – и сказала:

– Всё, отбой, а то проспим аэроплан.

– Йес, мэм!

* * *

Её комната была перегороджена платяным и двумя книж-

ными шкафами таким образом, что получалось две: спальня, где стояла широкая низкая кровать с одной спинкой-полкой в изголовье и лежал половик из овечьих шкур, и нечто среднее между кабинетом и будуаром с письменным столом и двумя большими глубокими креслами.

Стены были почти сплошь завешены картинами и полками, а полки и оба шкафа заставлены книгами и разными безделушками: от малахитового булыжника до кубика Рубика со стороной в шесть клеток, который ни собирался, ни разбирался, и был сделан из разноцветного парафина.

Всё в квартире было просто, но мило, а единственной дорогой вещью была стереосистема: проигрыватель и усилитель с колонками. Когда-то с ними в комплекте были магнитофон и тюнер, но они теперь стоят где-то за семью морями, в совсем незнакомом ей доме. Весьма приличная коллекция пластинок осталась ей, а кассеты он забрал себе – это было их обоюдное решение. Они вообще мирно "поделили имущество" – всё получилось как-то само собой. Как и развод, непонятный до конца ни друзьям, ни родителям, ни, похоже, им самим: жили-были – тихо и счастливо, а потом взяли и разъехались...

* * *

Она постояла около полки, рассеянно думая, что же выбрать, потом взяла конверт наугад. Это был Элтон Джон. Она поставила пластинку на диск, нажала кнопку и села в кресло.

Но тут же встала и принесла из прихожей газету и журнал и устроилась в кресле поудобней, подобрав под себя ногу.

Что-то не давало ей начать чтение...

А! Она вспомнила: после работы у неё вдруг поднялось настроение. Была ли тому явная причина, или...

Тихой булькающей трелью зазвонил телефон. Она машинально глянула на часы: без пяти десять.

– Да? ... Привет. – Её лицо преобразилось: взгляд устремился сквозь материальное пространство туда, куда она уже перенеслась всем своим существом, а губы тронула нежность. – Да так, ничего особенного, а вы? ... Надо же, какое совпадение! ... Очень хотим... но не очень можем. Кирилл завтра улетает... забыл? ... В девять-пятнадцать. ... Да, но встать-то надо аж в шесть. ... А если завтра? ... Так важно? ... По-моему, он ещё не спит. ... Хорошо, я перезвоню.

Она положила трубку, посидела с полминуты, глядя на бегающие вниз-вверх красные и голубые огоньки эквалайзера. Потом поднялась, подошла к двери в детскую. Света нет.

– Ки-и-ри-и-илл. – Позвала она шёпотом, потом чуть громче – Кирюша-а-а.

Вернулась в комнату, села на край кресла.

У-у-у, тру-ту-ру-ту-ту, тру-ту-ру-ту-ту... Звонить или не звонить – вот в чём вопрос. Тру-ту-ру-ту-ту-у-у... Под этого крокодила здорово рок-н-ролл танцевать... Тру-ту-ру-ту-ту-у-у... Если не сегодня, то завтра – нужно только

определённо договориться, не то может и на сто лет пропасть. Или на все двести. У-у-у-у... А если сегодня, то... Тру-ту-ру-ту-ту-у... То тогда – просто сегодня, а если завтра – то и сегодня и завтра...

Пластинка закончилась. Лёгкий щелчок – пак! – и огоньки погасли.

Да, вот такая сложная арифметика...

Она встала под душ, подставила лицо потоку тёплой воды, зажмурила глаза. Набирая воду ртом, она выпускала её тугой струёй: приятная тренировка лицевых и шейных мышц.

Медленно, с расстановкой, сделала массаж жёсткой плетёной рукавицей. Плеснула на ладонь душистого мыла, так же медленно натёрла им себя и ополоснулась, чередуя холодную воду с горячей.

Обернувшись мохнатой простынёй, она села на край ванны.

В голове – словно в большой пустой комнате – заводной крокодайл ломал свой рок: тру-ту-ру-ту-ту-у-у...

Не сегодня, так завтра... не завтра, так через сто лет...

Она решительно встала, растёрла в ладонях крем, приложила их к лицу, шее, груди.

Распустила волосы – они рыжими волнами легли на плечи.

Единственное, что ей нравилось в собственном облике –

это цвет волос. Насчёт всего остального периодически возникали сомнения: длинная шея и длинные ноги – это хорошо или плохо? а маленькая грудь и узкие бёдра? а смуглая кожа? Какое-то это всё... неженственное.

Она тряхнула головой, отгоняя пустопорожнюю болтовню мыслей. Провела щёткой по волосам, едва коснулась тушью ресниц и, как была, в простыне, пошла к себе.

Вязаное платье-мешок цвета летней хвои выигрышно облегало её стройную фигуру и гармонировало с цветом волос и глаз. Из украшений – тонкая серебряная цепочка и пара колец без камней. Эти побрякушки она, конечно, снимет, но это будет позже... А сейчас всё должно быть на своих местах.

Чуть не забыла – духи...

Ещё раз осмотрев себя в большое зеркало с ног до головы, она набрала номер.

– Считай до трёх. – Сказала она и положила трубку.

* * *

Она нажала на квадратную клавишу.

"Кнопка звонка – и ты в дверях, как глоток озона" – пришло ей в голову.

Она попыталась придать своему лицу выражение вроде "мы тут случайно проходили и решили заглянуть"... Но распахнулась дверь и сдунула с него все надетые и ненадетые маски.

"Любимый мой Алёша! Я не видела тебя вечность – с по-

недельника... Как я рада тебя видеть..." – стучит в висках и во всём теле, а губы произносят:

– Два с половиной...

– Три! – Подхватывает он вместе с лёгким жакетом, который она стряхивает с плеч, стоя спиной к Алёше, и каждой клеточкой своего изнаывающего тела ждёт, что вот сейчас он обхватит её своими сильными руками...

Но это бывает очень-очень редко. И в сегодняшнюю программу, по-видимому, не входит.

Чмок! – в щёчку тёплыми сухими губами, в которые ей хочется впитаться своими. Чмок! – в другую.

– Проходи.

– М-м-м... – Она принюхивается, проходя в кухню. – Чем-то подпольным пахнет! Никак, контрабандный груз из Бразилии получили?

– И ваши полкило в том числе. А теперь прошу публику занять свои места в партере. – Он развернул её за плечи и выпроводил из кухни.

В гостиной телевизор беззвучно вещал о последних новостях под диппапловского "Солдата фортуны".

Перемотав ленту на начало, она забралась в кресло рядом с низким столиком и закрыла глаза.

По горячему запаху кофе она поняла, что Алёша вошёл в комнату, но сделала вид, что кроме музыки ничего не воспринимает.

Шёпот льющейся в чашку кофейной пены и новая горячая волна аромата. Потом что-то вроде разрываемой бумаги. Запах целлофана. Тишина.

И вдруг – этого она совсем не ожидала – его губы на её губах. Не открывая глаз она испила его поцелуй – ровно столько, сколько он позволил, пока не отстранился.

– Ого! – Сказала она, оглядывая сервировку. – Да тут не только из Бразилии контрабанда. У вас и с Финляндией связи? – На столе стояла коробка с теми самыми конфетами, за которыми давился давеча страждущий народ.

– Тебе очень идёт это платье. Я уже говорил об этом?

Она улыбнулась. Она знала, что в тусклом свете его торшера с бордовым абажуром выглядит моложе лет на... на семь.

– А я сегодня плёнки проявил.

– М-м-м?

– Помнишь, зимой в горы ходил?

– Быстро – не прошло и полгода... Покажи.

– Отпечатаю – покажу.

– Это за этим ты меня вытащил из тёплой постели – сообщить, что проявил, но не покажешь?

– Во-первых, не из постели...

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда... А во-вторых, я... я просто хотел тебя видеть. Могу я захотеть тебя увидеть? – Он пересел на под-

локотник её кресла и положил руку ей под голову.

Она, не шелохнувшись, продолжала цедить крохотными глотками терпкую горячую жидкость. Ей нравился Алёшин способ приготовления кофе, который он держал в секрете, – во всяком случае, от неё.

Её удивляло, что он сегодня не такой, как всегда, что-то новое в его поведении: нетерпение?.. возбуждение?.. какая-то тайна? Раньше его железобетонная выдержка не позволяла просочиться наружу ни одной эмоции. Что бы это значило?..

Зато она, словно, наконец, переняв эту его манеру, спокойна и внутри, и снаружи...

Алёша, не дождавшись, когда она закончит смаковать свой любимый напиток, властно забрал из её рук чашку и поставил на стол. Поднялся сам и поднял её. Его большие ладони сжали её лицо. Губы обдают горячим кофейным... и коньячным?.. дыханием.

А она уже больше ничего не хочет, кроме этих губ, которые пьют её жадно – не оставляя ни капли... никому... даже ей самой... до пустыни, до небытия...

Любимый... любимый мой... Она не знает – вслух ли произносит эти слова, или это в крови гудит. Она уже ничего не знает. И не помнит. И не знала. Ничего. Никогда. Кроме вот этих рук. Губ. Вздвнувшейся на шее вены. Маленьких

упругих сосков. Твёрдого узкого живота. Ничего. Никогда. Не помнила. Не знала. И уже не узнает. Потому что её уже нет. И никогда не будет. Никогда... Любимый. Любимый. Любимый...

* * *

Она сладко потянулась и, ещё не успев проснуться окончательно, ощутила прилив радости. Приоткрыв глаза, глянула на будильник – десять минут девятого.

Ах, да!.. Воскресенье. И она ещё раз потянулась и улеглась поудобней, собравшись поваляться, пока не появится неотвратимого желания вскочить и распахнуть тяжёлые шторы, за которыми – то ли солнце, то ли пасмурно – не угадаешь.

Едва она задремала, как её блаженство нарушил телефонный звонок.

Свесив руку с кровати, нащупала трубку – аппарат она всегда носила за собой.

– Да?

Услышав голос, она улыбнулась и закрыла глаза.

– Доброе... Только позвольте, что за безобразие – в такую рань! ... Что может быть интересного в воскресное утро, кроме самого воскресного утра? ... Сюрприз? ... Прямо нау? ... Как, ты уже не в постели?! Вот это сюрприз! ... Около какого? ... Так, для нормального человека – это минут семь... стало быть, для тебя – три с половиной. ... Ну, давай – на старт, внимание, марш!

Она вскочила, словно отпущенная пружина, заправила постель, раскрыла шторы и голяком побежала в ванную.

В радостном смятении она всё же успела удивиться неожиданному звонку: расставаясь в пятницу ночью, а точнее, ранним субботним утром, Алёша, как всегда, ни словом не обмолвился о планах на будущее, а она, как всегда приготовилась ждать. И ещё заметила – за окном синее безоблачное небо.

Когда она выходила из ванной, застёгивая джинсы одной рукой, а другой расчёсывая волосы, раздался звонок в дверь. Она бросила щётку и запахла рубашу.

– Ты сошёл с ума... – Она пыталась увернуться, но Алёша прижимался горячим лицом к её прохладной, ещё влажной после душа коже.

– Совсем немного, и сошёл бы... как-никак – я не видел тебя целых двадцать восемь с половиной часов...

Она была уверена, что он и дней бы не сосчитал между их встречами... Если это и есть тот самый сюрприз, ей вполне достаточно.

– Ну, выкладывайте, что за...

– М-м-м... – Перебил он её, демонстративно приюхиваясь к чаю, который она насыпала в чайник.

И она поняла, что началась игра в перетягивание каната. Ну что ж, прекрасно, как говорит Алёша, я тоже уже кое-что

в ней смыслю.

– Что за аромат! Тоже контрабанда? – Он принялся разглядывать пачку.

– Нет, это один мафиози пытается добиться моего расположения.

– Как специалиста в области языкознания... или?..

– Или.

– Мне это не очень! – Прорычал Алёша.

– Вам со сливками иди без? – Она поняла, что он на крючке.

– Без... Так что это за мафиози?

– А бутерброд?

– Нет. Я спрашиваю, что у него за интерес?

– Ой, чуть не забыла! Вот джем... какой-то экзотический.

– Оттуда же, откуда и чай?

– Держи ложку.

– Что за тип? – Алёша встал.

Неужели она перегнула?

Он поднял её, обхватил руками и пытался поймать взгляд, который она упорно отводила, невинно улыбаясь.

– Что за тип? – Не унимался он.

За деланным напором она почуяла живой нерв. Нет, не умеет она играть на чувствах других – даже тех, кто вольно или невольно играет на её собственных.

– Сестра прислала. – Пусть счёт будет в его пользу, мы не гордые.

– Хороший тип. – Объятия ослабли и стали нежными. Они допивали чай.

– Небо, как над Италией... Пойдём на крышу? – Сказала она, глядя на пронзительную синеву сквозь неподвижные ветви большой берёзы, почти упиравшиеся в стекло.

– Как Кирилл долетел? – Опять в своей манере уходить от вопроса.

– Хорошо. Сегодня ночью звонили из конечного пункта.

– Смелая ты мама – отправить ребёнка одного...

– Во-первых, он у меня изначально не ребёнок, а мужчина. К тому же уже одиннадцати лет. Во-вторых, его в Москве муж встретил. А я случайно встретила в аэропорту приятелей, которые летели...

– Загорать надо не на сером рубероиде пыльной крыши, а на жёлтом песке Чёрного моря.

– Ну, это – кому что. Хотя, помнится, в прошлое воскресенье вы даже подмурлыкивали, лёжа на этом самом...

– Это вовсе не значит, что я готов мириться с рубероидным пляжем всё лето.

– А! Догадываюсь: вам отпуск подписали.

– У вас непревзойдённые дедуктивные способности. А что ваш отпуск?

– Мы не очень-то и спешим. – Она поняла, что настроение резко поползло вниз, за нулевую отметку, и, чтобы справиться с этим, она принялась собирать со стола и мыть посуду. – Куда ехать, ещё не решили... А вы куда собрались?

Держу пари, в славный город Сочи.

– Проиграли! Мы едем в Крым.

– Тоже неплохо. И что, компания весёлая?..

Чем же ещё отвлечься, чтобы продержаться хотя бы капельку, минутку... Она вот-вот возьмёт себя в руки, и Алёша ничего не заметит.

Хотя вся эта игра для того и затеяна им, чтобы увидеть, почувствовать, ещё раз убедиться, что она зависит от него. А она зависит от него, и он это знает... Неужели ему не достаточно знать это раз и навсегда? Почему?..

Он обнял её сзади за плечи.

– Ты что, забыла?.. Мы едем в Феодосию... Вдвоём... Через пятнадцать дней. А, Малыш?

Она замерла с тряпкой в руке.

"Малыш"... Вот уж не ожидала она когда-нибудь ещё раз услышать это. Нет, она ждала, всякий раз ждала... Но почти не надеялась.

Она повернулась к нему. Его взгляд прожёг ей зрачки.

– Ты рада?

Она едва кивнула головой и спрятала лицо у него на плече, чтобы он не увидел, что её глаза на мокром месте.

– Вот и прекрасно. Я тоже рад. А тебе отпуск дадут?

– Хоть завтра. Я из-за Кирилла тянула... И ещё из-за тебя.

– М-м-м?

– Ждала, когда ты уедешь... Мне как-то легче из пустого города...

– Значит, ты всё забыла?

– Я ничего не забыла... Я думала, тогда, зимой, ты пошутил.

– Кто пошутил?.. Я пошутил?.. Почему пошутил?.. Зачем пошутил?.. – Он, дурачился и тянул её в комнату.

– А ты не пожалеешь?.. Я же тебе быстро надоедаю... Тебе же всё быстро надоедает... И как мы будем спать?.. Ведь ты не умеешь спать в одной постели с...

Но он не дал ей договорить.

* * *

На часах около трёх.

Алёша то ли спит, то ли делает вид.

Она положила голову ему на живот. Сейчас он потянется, посмотрит на часы, пролопочет что-нибудь возмущённо на тарабарском языке, сошлётся на дела и уйдёт.

Ну и что?.. У него своя жизнь, свой дом, свой круг друзей и занятий. Замуж он ей не предлагает. Да она и не пошла бы второй раз замуж – она ещё с первым замужеством не разобралась: за четыре года им с мужем в голову не пришло заняться формальностями. К тому же, Алёша молодой, ему ещё тридцати нет, и жена у него должна быть молодой – не на семь же лет старше...

Алёша надул живот, потом втянул. Ещё раз. Ещё.

– Штормит. – Сказала она.

– Это что – три часа ночи?

– Угу.

– Не правда! Сейчас день, потому что я хочу есть!

– Энергетические ресурсы требуют пополнения.

– А есть, чем их пополнить?

– Поищем.

– Поищем. – Сказал Алёша и заглянул под подушку. – Ничего. – Заглянул под другую. – Здесь тоже... И здесь. – Он свесил голову и пошарил под кроватью рукой. – Придётся съесть тебя. – И он укусил её за плечо.

– Ой. – Сказала она с тем выражением, с каким произносят названия букв в кабинете окулиста.

Они ели холодную окрошку.

– Вкусно, но холодно. – Поёжился Алёша. – Пойдём на улицу греться.

– А у тебя что же, никаких дел сегодня?

– Сегодня – День Молодёжи. Может молодёжь отказаться в свой день от всяких дел?.. Мне, как-никак, ещё два года молодёжью быть.

– Весьма неучтиво с Вашей стороны намекать даме на её немолодёжный возраст.

– Глупости! У тебя в паспорте ошибка... И вообще, про-

шу, перестань об этом. — Она почувствовала в его голосе то, что называла "съёжился", и у неё заныла душа.

Она любила его. Любила таким, каким он был: во многом непонятным, во многом непонятым ею.

Словно чуя какую-то давнюю рану — то ли затянувшуюся, но не изжитую, то ли всё ещё кровоточащую, но тщательно скрываемую — она желала взять на себя часть его боли, если не получится всю.

Но Алёша не из тех, кто делится своими проблемами: рубашку последнюю — пожалуйста! Но не боль.

Почему — она не понимала. Нет, понимала, конечно — мужская гордость, выдержка, воля... Но ведь так ещё больней, причём — обоим: тому, кто страдает, и тому, кто рядом и не может помочь. А она не могла — не знала, в чём, а стало быть, и как... Вот и старалась быть выше своих собственных чувств, призывая в помощники разницу в возрасте и свой материнский опыт.

— Ладно, — сказала она — молодёжь, так молодёжь! Пошли гулять!

* * *

Когда они расставались поздно вечером у её подъезда, Алёша вдруг хлопнул себя по лбу:

— Я же совсем забыл!

Он достал из кармана куртки и протянул ей сложенные

бумажки.

Она развернула их. Это были билеты: два на самолёт до Москвы и два на поезд Москва-Феодосия.

Она очень устала за сегодняшний день и поэтому уснула, едва коснувшись подушки.

Translation Into Russian

Им с Игорем приписывали роман почти с тех самых пор, как он пришёл в отдел пацаном двадцати одного года отроду. Её это забавляло – ей было тогда чуть больше, чем теперь ему, а Игорю льстило – Алёша как-то проговорился.

Сам Алёша за два с половиной года их странных – прерывающихся на недели, а то и месяцы безо всяких объяснений – отношений ни разу не попытался уточнить, было ли это только легендой, или...

* * *

Почему ей приписывали именно Игоря, трудно сказать. Может быть, общность литературных пристрастий дала такой повод – они часто обменивались книгами и журналами, а за чаепитием вели дискуссии о прочитанном. Хотя, будь у них роман, они нашли бы другое место и время для обмена мнениями и литературой...

А может, из-за Игоревых "тысяч", которые она переводит-

ла ему, когда тот поступил на заочный?.. Но не он один бегал к ней с коньяком, шоколадками и этими «тысячами» в виде единственной доступной широким массам газеты на английском под названием «Москоу ньюс»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.